

Ислам Мусаев

И МАТЬ И ПАЛАЧ

Анатомия пассивного кукловодства:
тайное предательство.



Ислам Мусаев
И МАТЬ И ПАЛАЧ

«Автор»

2026

Мусаев И.

И МАТЬ И ПАЛАЧ / И. Мусаев — «Автор», 2026

Вглядываясь в бездну зеркал, мы обнаруживаем не просто отражения, а призрачные сущности, сотканые из страхов и желаний. Эта книга— глубочайшая психологическая драма, разворачивающейся в тишине семейных стен. Силуэт матери, очерченный мягким, светлым контуром, держит за руку трехлетнего ребенка. Их образы — воплощение невинности и безграничной любви, хрупкая защита, призванная уберечь от всех бед. Однако, заглянув за грань реальности, в зеркальное отражение, мы становимся свидетелями кошмара. Там, где должна быть мать, стоит палач. Его черный, как сама тьма, олицетворяет скрытые мотивы, искаженные инстинкты и неосознанное разрушение. Ребенок же, стоящий спиной к отражению, остается в блаженном неведении, защищенный иллюзией, созданной собственным подсознанием, отражающим добро, в то время как в реальном мире его окружает зло. Эта монохромная черно-белая гамма символизирует двойственность жизни, где свет и тьма, любовь и насилие, мать и палач неразрывно связаны.

© Мусаев И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

| | |
|---------|---|
| Глава 1 | 5 |
| Глава 2 | 6 |

Ислам Мусаев И МАТЬ И ПАЛАЧ

Глава 1

Глава 1. Как формируется схема своей глубокой дефективности. Сломанная вещь

Чувство собственной дефективности не рождается в одночасье. Это результат длительного, методичного препарирования детской психики в условиях семейного изолятора. Для внешнего мира ты можешь быть успешным выпускником Саратовского ГМУ, а позже — практикующим врачом-стоматологом с 14-летним стажем, который ежедневно контролирует сложные клинические процессы. Но внутри взрослого, состоявшегося мужчины продолжает функционировать базовая когнитивная схема: *«Я — бракованный субъект. Я — сломанная вещь»*.

У этой поломки есть четкие архитекторы и конкретный механизм сборки.

Схема дефективности закладывается тогда, когда ребенка лишают права на личную автономию и безусловную ценность. В нашей семейной системе это происходило через синергию двух сил — прямой агрессии отца и пассивного кукловодства матери.

Отец выступал в роли разрушителя. Его целью было не воспитание, а регулярное уничтожение человеческого и мужского достоинства в сыновьях. Когда ребенка бьют до состояния «безвольной половой тряпки», в его подкорке фиксируется деструктивный вывод: *«Со мной так можно. Значит, я не представляю ценности. Я — объект для битья, а не личность»*.

Но если отец ломал структуру физически, то мать закрепляла ощущение дефективности на ментальном уровне.

Приходя после экзекуции с тазиком холодной воды, она транслировала скрытое послание: *«Ты виноват в том, что отец стал зверем. Если бы ты был хорошим, этого бы не случилось»*. Потребность в материнской защите заставляла детскую психику идеализировать её и принимать всю вину на себя. Так рождалось глубинное убеждение в своей изначальной испорченности.

Когда враг заведомо сильнее, а бежать некуда, нервная система включает архаичный паттерн защиты — оцепенение (freeze). В этот момент происходит диссоциация: сознание отслаивается от физической оболочки, чтобы не чувствовать боль.

Этот детский механизм автономии оборачивается тяжелым взрослым симптомом. Сегодня, спустя годы, он возвращается в виде «ватных ног» и потери телесной опоры при банальном телефонном звонке. Подсознание считывает любой неожиданный сигнал как неизбежный акт насильственного подчинения. Тело замирает, потому что на глубинном уровне «сломанная вещь» не умеет сопротивляться. Она умеет только ждать удара.

В деструктивной системе ребенка любят не за то, что он есть, а за то, насколько он удобен. Схема дефективности подкрепляется постоянным дефицитом эмоциональной поддержки (схема депривации).

Ты быстро понимаешь, что твои истинные чувства, страхи и желания никого не интересуют. Чтобы выжить, ты учишься соответствовать ожиданиям кукловода. Ты можешь идеально учиться, стать высококлассным врачом, спасти людей от боли — но внутренний маркер «бракованности» никуда не исчезает. Любое достижение воспринимается как временная маскировка внутренней пустоты. Ты кажешься себе самозванцем, базовое ощущение себя как «сломанной вещи» блокирует способность присвоить собственный успех.

Глава 2

Глава 2. Хроническая тревога: схема небезопасности и ожидания жестокого обращения

Если схема дефективности определяет то, как человек видит себя изнутри, то схема ожидания жестокого обращения формирует его взгляд на внешний мир. Окружающая реальность начинает восприниматься не как пространство возможностей, а как перманентная зона боевых действий. Ты постоянно ждешь удара, предательства или подвоха, даже когда для этого нет видимых объективных причин.

У этого состояния есть конкретный генезис: детство в режиме непрерывного террора, где опасность исходила с двух сторон одновременно.

Для здорового развития психике ребенка необходима базовая безопасность — предсказуемость среды. В нашем доме предсказуемым был только страх.

Линейная агрессия отца создавала плоскость физической угрозы. Его вспышки ярости были сокрушительны, а наказания — несоизмеримы провинностям. Психика функционировала в режиме постоянного сканирования пространства: по шагам, по звуку открывающейся двери, по интонации голоса мы учились угадывать уровень приближающейся опасности. Это сформировало гипербдительность — состояние, при котором нервная система никогда не расслабляется, сжигая колоссальные внутренние ресурсы.

Однако самым разрушительным фактором была латентная угроза, исходившая от матери.

Отец был понятен в своей деструктивности — он был открытым врагом. Мать же оставалась скрытым источником опасности. Ты никогда не знал, в какой момент твоя искренность или обычная детская шалость будет зафиксирована кукловодом и передана палачу в качестве триггера для новой расправы. Дом, который должен был служить крепостью, превратился в минное поле, где главным сапером в белых одеждах была собственная мать. Так закладывался фундамент глубокого недоверия к миру: если предать может тот, кто должен защищать - доверять нельзя никому.

Схема ожидания жестокого обращения всегда имеет телесное выражение. Когда угроза неизбежна, а механизмы «Бей» или «Беги» заблокированы из-за превосходства агрессора, тело выбирает единственный доступный способ выживания — оцепенение или реакция «замри»

Этот биологический паттерн не исчезает после того, как ребенок вырастает и покидает деструктивную среду. Он инкапсулируется в телесных блоках взрослого мужчины.

Спустя четырнадцать лет успешной врачебной практики этот заблокированный страх прорывается через соматические триггеры. Входящий телефонный звонок считается подкоркой как сигнал к началу новой экзекуции. Мозг взрослого человека понимает, что опасность миновала, но древняя, травмированная часть психики мгновенно отключает опору в ногах. Ватные ноги — это физический манифест замершего ребенка, который ждет, что его снова лишат воли и заставят подчиниться чужому, жестокому сценарию.

Ожидание жестокого обращения парализует способность к здоровой коммуникации. Проекция детской травмы переносится на коллег, пациентов и близких. В каждом нейтральном действии окружающих подсознание ищет признаки скрытой угрозы или манипуляции.

Родитель заложил в нас алгоритм: безопасность невозможна. Именно поэтому, даже достигнув профессионального признания, ты продолжаешь жить с ощущением, что стабильность иллюзорна, а благополучие — это лишь затишье перед очередной бурей. Ты подсознательно ждешь, когда мир вокруг тебя «взорвется», как это регулярно происходило в родительском доме.